

В богадельне при храме обитают «священнических, диаконских, дьячковских и пономарских вдов и дочерей девиц» до 50 человек.

В ведомостях 1837–1846 гг. обозначен причт: священник Иван Николаев (сын Померанцев), дьячок Федор Николаев (сын Маркелов): надо полагать, именно они отпевали Марию Федоровну Достоевскую. Тогда Ивану (Иоанну) Померанцеву было 58 лет. Сын священника, он окончил бывшую московскую Славяно-греко-латинскую академию; «переведен на настоящее место» в 1833 г.; до этого среди прочих мест служил «увещателем подсудимых в Сретенском частном доме». И «за девятилетнее безвозмездное исправление треб в двух Военно-рабочих баталионах и за обращение нескольких рядовых из Магометан и Евреев в Православную Христианскую Веру Всемилоостивейше пожалован бархатною фиолетовою скуфьею». Отметим эти, очевидно, не столь легко достижимые миссионерские заслуги. Что касается дьячка Федора Маркелова, то его определяют пономарем в эту церковь еще в 1784 г. (за тридцать семь лет до рождения Достоевского), в возрасте 14 лет, «по исключении из нисших классов» вышеупомянутой академии – и переименовывают «во дьячки» в 1804 г. С этого же года служит в церкви «пономарь Семен Иванов Федоров». Эти люди отпевали погребенных на Лазаревском кладбище Нечаевых – Котельницких – Достоевских (Марию Дмитриевну в 1864 г. напутствовали скорее всего уже другие, незнакомые Достоевскому лица).

Петербургские кладбища, изображенные Достоевским, ужасны. И не только потому, что гробы опускаются прямо в болотную жижу («Записки из подполья»), но и из-за сокрытого в петербургских могилах нравственного растрепания и разврата («Бобок»). Вера в воскресение Лазаря – и значит, в жизнь вечную – изначально сопряжена с Москвой.

И хоть бесчувственному телу
Равно повсюду истлевать,
Но ближе к милому пределу
Мне все б хотелось почивать.

Достоевский тоже хотел бы почивать здесь – «до радостного утра». Но судьба распорядилась иначе.

ГЛАВА 2

ЕНЕУ!

«Эта ужасная женщина...»

В «Сибирской тетради» Достоевского (в «моей тетрадке каторжной», как он ее называл) несколько раз встречается помета, которая из-за неясности написания многие годы не поддавалась расшифровке. Ее интерпретировали как «Елеи», «Елен» и даже «Елец» или просто заменяли точками – «ввиду неуверенности чтения». Наконец загадка разрешилась: интригующее «Елен» было опознано, как «Енеу» – латинское междометие, обозначающее «увы» или «ах». Но выяснилось и другое. Практически все «Енеу» так или иначе связаны с именем первой жены Достоевского. Этим горестным вздохом он отмечал самые драматические моменты их знакомства и брака.

В «Хронике» М.В. Волоцкого, где характеристике иных персонажей посвящены десятки страниц, Марии Дмитриевне Исаевой уделено ровно три строки, принадлежащих тому же, случайному наблюдателю: «Первую супругу нашего знаменитого писателя я видел только один раз в Москве, у Ивановых, и она на меня произвела впечатление в высшей степени болезненной и нервно расстроенной женщины».